

Лит Россия, 1991, 15 мая

М. А. БУЛГАКОВ. Начала 20-х годов.

*Как будто бы вчера со мною говорил,
Скрывая дрожь предсмертной боли.*

Очень хорошо знал Михаила Афанасьевича известный советский композитор С. Н. Василенко (1872—1956). Им оставлены небольшие, но красноречивые воспоминания, которые мы и предлагаем вниманию читателей «Литературной России».

Несколько строк об авторе этих воспоминаний. Народный артист РСФСР, доктор искусствоведения, профессор Московской консерватории с 1907 года, Сергей Никифорович Василенко прожил долгую и интересную жизнь в искусстве. Он учился у А. Т. Гречанинова и С. И. Танеева, а его учениками были А. В. Александров и Н. С. Голованов. Им написано много музыкальных произведений, и среди них — оперы «Сын солнца» и «Суворов», балеты «Иосиф Прекрасный», «Лола» и «Мирандолина». Он был основателем, руководителем и дирижером общедоступных Исторических концертов в Москве (1907—1917 гг.). Василенко был дружен с М. М. Ипполитовым-Ивановым, Р. М. Глиэром и Ф. И. Шаляпиным. Последнему он посвятил поэмы для баса «Вирь» и «Вдова».

Обладая незаурядной литературной одаренностью, он на протяжении всей жизни поверял бумаге свои мысли и впечатления о встречах с замечательными людьми — гордостью и славой русской культуры. П. И. Чайковский, С. В. Рахманинов, А. С. Аренский, Л. В. Собинов, С. И. Мамонтов, М. А. Врубель, М. В. Нестеров, В. Д. Поленов, В. Э. Борисов-Мусатов, В. М. и А. М. Васнецовы... Вот лишь неполный перечень замечательных людей, с которыми мы встречаемся на страницах книги воспоминаний С. Н. Василенко, увидевших свет в 1948 и 1979 годах. Воспоминания о М. А. Булгакове в них не вошли и публикуются по рукописи.

Публикация Юрия ЮШКИНА

МНОГООБРАЗИЕ ДАРОВАНИЯ

С. Н. ВАСИЛЕНКО

Я никогда не встречал писателя, так глубоко волновавшего слушателей даже при домашнем чтении своих произведений. Это объясняется истинным вдохновением автора и глубиной его переживаний. Таким был Михаил Афанасьевич Булгаков — тончайший, вдохновенный драматург и писатель.

Когда он читал у нас на квартире свою пьесу «Бег», я, всегда слушавший чтение с трудом, а при чтении театральных пьес даже засыпавший, был просто потрясен и долго не мог оправиться от волнения.

Конечно, все его пьесы выигрывали от постановки на сцене. Какое многообразие дарования! Всякое произведение представляло собой что-нибудь со-

вершенно новое — никакими, даже малейшими атомами не прикасавшееся с написанным раньше. И при этом какое разнообразие переживаний!

Трагедия первых лет Революции («Дни Турбиных»), XVII век и французская аристократия («Мольер»), целый ряд высококомических произведений — описание нашего повседневного быта или тонкая пародия-феерия с изумительно выдержанным восточным колоритом океанических островов.

В пьесе «Бег» мне чувствовалась какие-то оглески злоежского пламени.

Кроме быющего через край истинного вдохновения, вышуклого до предела изображения действующих лиц, Михаил Афанасьевич

обладал замечательным юмором.

Как настоящий художник он достигал потрясающих впечатлений самыми простыми средствами. Во всех его произведениях, как сценических, так и литературных, простой, прекрасный язык, захватывающая, интересная фабула совершенно заслоняют ловкость и виртуозность технической работы. Казалось, что так легко ему было все написать.

Сам обладатель этого огненного темперамента производил совсем другое впечатление. Высокий и костлявый, с довольно широкими плечами и несколько вихлявой походкой, он был похож скорее на хорошего рабочего.

Рыжеватые волосы были гладко причесаны или торчали вихрями.

Характер на первый взгляд был у него замкнутый и необщительный, но среди своих друзей и знакомых Михаил Афанасьевич как-то весь раскрывался, бывал очень весел и остроумен. Стоило, однако, явиться постороннему лицу, как он замыкался.

У него была большая склонность к юмору. На входной двери его квартиры была прибита дощечка: «Бутон Булгаков. Звонить 2 раза». Бутонем называлась отравительная собака-дворняжка...

Среди нас он бывал очень мил. Любимейшим времяпровождением его было — рас-

певать различные арии из опер, подыгрывая себе на рояле. Пел он довольно диким голосом, но верно.

Подметив его любовь к музыке, пробовал я «подъехать» к нему с просьбой написать мне либретто для оперы, но из этого ничего не вышло. Михаил Афанасьевич сказал, что ему в высшей степени противно писать либретто, так как композитор всегда «загоняет» либретто на последнее место.

Встречаясь с ним довольно часто, я чувствовал неудержимое влечение к его личности...

...Его робкий характер, постоянное волнение портили ему жизнь и здоровье...